

Матюшевская М.И. (Могилев, учреждение образования «Могилевский
государственный университет имени А.А.Кулешова»)
Marija211170@yandex.ru

ИМПЕРИЯ КАК КОРРУПЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В НАУЧНОЙ ОЦЕНКЕ В.О.КЛЮЧЕВСКОГО

Современное осмысление коррупции невозможно без изучения этого общественного феномена в прошлом. Особый интерес вызывают ее историографические оценки. Они показывают, как профессиональные историки прошлого выстраивали причинно-следственные связи коррупции, каким виделось им решение этой проблемы.

Цель данной статьи – рассмотреть оценку коррупции, представленную в трудах Василия Осиповича Ключевского, одного из известнейших и авторитетных историков в Российской империи рубежа XIX-XX веков, научное

творчество которого до сих вызывает у историографов большой интерес и неоднозначные мнения.

В 1912 году – через год после смерти В.О.Ключевского – его ученики и соратники издали сборник воспоминаний. В нем они уделили много внимания анализу лекторского таланта и художественного мастерства историка. Сегодня эти воспоминания показывают нам, какой резонанс в умах современников вызывало его творчество, на какие смысловые детали они обращали внимание, как оценивали его научные выводы.

В частности, тему коррупции в лекциях В.О.Ключевского затронул в своих воспоминаниях известный в 1905-1917 годах российский литературный критик Юлий Исаевич Айхенвальд. Он отметил: «...Характерной чертой в остроумии Ключевского и во всей его литературной манере вообще является то, что он никогда не употребляет многоточий... Но в том и состоит его стилистическое лукавство, что он делает вид, будто он ни при чем, будто сказал все, сказал серьезно и не оставил позади и впереди своих слов никакой мысли, никакого умысла; так не подчеркивая себя, он от этого становится еще тоньше и ярче. «В университете при академии наук лекций не читали, но студентов секи!» (оцените это *но!*). При Петре «казнокрадство и взяточничество достигали размеров, небывалых прежде, разве только после»...» [1, с. 136].

Ю.И.Айхенвальд привел такие примеры из лекций В.О.Ключевского. «...На попойках у Петра в Летнем саду царь слишком щедро угощал водкой, и счастливыми считали себя те, кто мог от нея уклониться: «только духовная власть не отвращала лиц своих от горькой чаши и весело сидели за своими столиками; от иных далеко отдавало редькой и луком»...» [1, с. 136].

В петровские времена разнообразные сборы и налоги «назойливым июльским оводом приставали к плательщику на каждом шагу». Появились «прибыльщики» и прожектеры. «...Между ними и Посошков, представивший Петру смелую и яркую, хотя и «углем написанную картину» положения России, тот самый Посошков, который был едва ли не первым фабрикантом игральнх карт в России, – о чем не забудут «трудолюбивые люди, склонные отдохнуть после трудов»...» [1, с. 137].

В петровские времена налоговые сборы предлагали установить даже с рождений: «...Дивиться надо, как могли прожектеры и прибыльщики проглядеть налог на похороны. Свадебная пошлина была уже изобретена древне-русской администрацией...и сама по себе еще понятна – женитьба все-таки маленькая роскошь; но обложить русского человека пошлиной за решимость появиться на свет и позволить ему умирать беспошлинно – финансовая непоследовательность, впрочем исправленная духовенством...» [1, с. 137].

От стиля Ключевского страдало не только духовное сословие. «...Петра Великого, который был «исключением из всяких правил», Ключевский из своего правила не исключил, даже своеобразную орфографию его вспомнил, то, что будущий преобразователь «между двумя согласными то и дело подозревал твердый знак»...» [1, с. 137].

По заключению Ю.И. Айхенвальда, «...излюбленные приемы Ключевского – антитезы и сравнения и даже его хиазмы (крестообразные соединения

одних и тех же слов) – одинаково принадлежат и форме и содержанию его книг. «Государство пухло, а народ хирел». «Петр (Великий) отлился односторонне, но рельефно, вышел тяжелым и вместе вечно-подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам – точь в точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки». Полутоны и обер-тоны мыслей, оттенки идей, это и составляет его слог, как это в сущности составляет и каждый хороший слог – единый организм мысли и слова. Точно также характерное для Ключевского остроумие не является каким-то внешним придатком к его мышлению и речи, а сливается с ними в одну гармонию и поэтому всегда уместно, никогда не звучит отчуждающей нотой. Его красное словцо всегда содержательно, и вопреки поговорке ему в жертву не приносится ни родной отец, ни матушка-правда. Ум, даже играющий, все-таки – ум...» [1, с. 134-135].

Литературная критика 1970-х годов дополнила мысли Ю.И. Айхенвальда о связи формы и содержания исторического сочинения. Американский историк Хейден Уайт в своем труде «Метаистория» показал, что историографический стиль представляет собой комбинацию типов построения сюжета, доказательства и идеологического контекста. Для романтического типа построения сюжета характерен формистский тип доказательства и анархический тип подтекста. Трагическому типу построения сюжета присущ механистичный тип доказательства и радикальный тип подтекста. Комический тип построения сюжета предполагает органицистский тип доказательства и консервативный тип подтекста. Сатирический тип построения сюжета требует контекстуалистского типа доказательства и либерального типа подтекста.

Контекстуалистский тип доказательства исходит из предпосылки, что события могут быть объяснены только через исторический контекст, в котором они произошли. Контекстуалистское доказательство основано на открытии специфических связей одних событий с другими событиями, произошедшими в окружающем их историческом пространстве. Как и в формистском типе доказательства, история здесь понимается как богатый деталями «спектакль». Однако при формистском типе доказательства события рассматриваются в их конкретности и уникальности. Контекстуалистское доказательство, напротив, выясняет функциональные взаимосвязи, существующие между действующими историческими лицами и историческими процессами. От механистичного и органицистского типов доказательства контекстуализм отличается тем, что он стремится избегать абстрагирования. Контекстуалистское доказательство ищет тенденции исторического развития или дает общую характеристику конкретного периода и эпохи.

Таким образом, историографический стиль – это вербальная модель исторического процесса. Такие модели создаются с помощью риторических фигур – тропов: Метафоры, Метонимии, Синекдохи и Иронии. Они нужны потому, что исторические источники не дают ясного образа зафиксированных в них событий [2].

Сатирический тип построения сюжета лекций В.О. Ключевского и выбранный им контекстуалистский тип доказательства свидетельствуют о его либеральных взглядах. Коррупцию в Российской империи он рассматривал как

часть исторически сформировавшегося государственного механизма — следствие абсолютной монархии, крепостного права и отсутствия свободы человеческой личности.

Не все современники В.О.Ключевского соглашались с такой научной оценкой. Например, историк, философ и богослов Георгий Петрович Федотов в своей статье «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.), которая была написана в честь пятидесятилетия выхода в свет «Боярской Думы» — докторской диссертации московского профессора, высказал мысль, что его карикатурность изображения XVIII века вытекает из «нечувствия Империи» [3, с. 345]. Г.П.Федотов критиковал В.О.Ключевского за отказ «...от традиции сороковых годов: от государства, исторической личности и национальной идеи...» [3, с. 345]. Он отмечал: в изучении темы государства в начале XX века В.О.Ключевскому и его школе возникла оппозиция. Ее очагом был Петербург — «...город Империи, город западников, где историки ближе, чем в Москве, стояли к юристам (Сергеевич), старым врагам Ключевского...» [3, с. 347]. Оппозиция была сильна в рядах молодежи. Однако, застигнутая Первой мировой войной и революцией, она не успела создать своего научного направления.

Г.П.Федотов подчеркивал: «...другой огромный провал Ключевского до самой революции так и не дошел до сознания представителей русской исторической науки. Русские историки, в огромном большинстве своем, чуждались проблем духовной культуры...Русская историография оставалась и остается, конечно, наибольшей «материалистской» в семье Клио...» [3, с. 347-348].

Г.П.Федотов объяснял данный парадокс так: «...для экономической или иной материалистической интерпретации духовной культуры Ключевский обладал слишком большой трезвостью и вкусом. Идеалистическая же социология возвращала назад к Тегелю, к его диалектике и «богословию»; от которых Ключевский отталкивался. Будучи не в силах дать иное, кроме описательного, «идеографического», изображения духовной жизни, и не желая портить строгости эволюционных линий своего процесса иррациональностью голых культурных фактов, Ключевский отказался от половины своей темы...» [3, с. 341]. В этом отказе Г.П.Федотов видел основную причину иронии В.О.Ключевского как бытописателя и портретиста. Он указывал на то, что «...ирония возникает почти неизбежно там, где ум живет не в ладу с сердцем...» [3, с. 344].

Г.П.Федотов описал конфликт В.О.Ключевского с «социальным заказом» своей эпохи. Он отметил, что ученый испытал на себе влияние новой науки — социологии, которая складывалась в 1870-х годах на Западе и в России и притязала на универсальность научного знания. В.О.Ключевский «...чувствовал себя обязанным оправдывать свою историческую работу перед судом Социологии...Историк в Ключевском был терроризирован социологией и делал вид, что принимает ее социальный заказ...» [3, с. 340-341].

Политической теме государства В.О.Ключевский противопоставил историю классов — социальную историю России. Его внимание было приковано к истории правящих и трудящихся классов. Он одухотворил социальную историю: «...Под его пером она утрачивает свой схематизм, становится

выражением конкретной человеческой личности. Социальная история превращается в социальную характерологию...» [3, с. 342-343].

По мнению Г.П.Федотова, В.О.Ключевский создал блестящие портреты исторических деятелей. Еще более удачны его коллективные социальные портреты. При их создании В.О.Ключевский раскрылся как художник. Это сгладило в нем шероховатости социолога, скрыло острые углы его схемы. Г.П.Федотов высоко оценил художественный талант ученого: «...В обращении со словом Ключевский может найти себе равных только среди символистов XX столетия...Классическая школа – в семинарии и университете, – которую Ключевский впитал в себя как наследие классического века, – отделило природную одаренность пензенского бурсака в чекан Вергилия...» [3, с. 334].

Еще одна заслуга В.О.Ключевского – экономизм его исторической теории. По оценке Г.П.Федотова, «...специальные его работы делают Ключевского основателем экономической истории России. Весь курс его дает начало историческому экономизму как особому и очень влиятельному именно в России историческому направлению...» [3, с. 338]. Здесь у В.О.Ключевского было много последователей: «...если в России исторический материализм нашел для себя сравнительно благоприятную почву, то это потому, что она была подготовлена для него Ключевским...» [3, с. 346-347].

Взгляды Г.П.Федотова на историю Российской империи и творческое наследие В.О.Ключевского не были неизменными [4]. Сегодня они также остаются для нас дискуссионными.

В частности, представляется спорной мысль Г.П.Федотова о том, что В.О.Ключевский мало интересовался темой духовной жизни общества. Как историк-социолог он описал социальный портрет духовенства, менявшийся на протяжении многовековой истории России [5]. В.О.Ключевский подчеркивал, положение лиц в церковном обществе предполагает их нравственно-религиозное назначение: «...по евангельскому слову, хотящий быть больше всех должен стать слугой всех...» [6, с. 270]. Когда церковное и гражданское общество уходило от этого принципа, звучали хлесткие оценки историка.

Так, о сподвижниках Петра I В.О.Ключевский высказал следующее мнение: «...Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства...» [7, с. 234]. Очень негативно отзывался ученый о крепостной России. В лекции I в разделе «Господа и крепостные», в сдержанно-эмоциональных тонах повествуя о быте беглых, он замечал, что знакомство с ним заставляет забывать о христианских началах породившего его общества [8, с. 178].

Много внимания В.О.Ключевский уделял изучению мироощущения людей прошлого. Он показал особенности летописного, религиозного, политического, правового сознания общества и отследил его изменение на протяжении столетий. В результате историк эмпирически подтвердил данную им во вводных лекциях «Курса русской истории» характеристику роли идей в историческом процессе.

Очень большое значение В.О.Ключевский придавал рефлексии собственной научно-преподавательской деятельности. Как педагог он понимал важность целенаправленной работы со студенческой аудиторией. В статье, посвященной своему учителю – С.М.Соловьеву, историк подчеркивал, что преподавание принадлежит к особому разряду деятельности. В нем есть много индивидуального, личного, которое чувствуется только теми, на кого преподавание обращено. В.О.Ключевский сравнивал учителя с проповедником и отмечал, какого труда требует мастерское владение этим ремеслом [9, с. 58].

В.О.Ключевский утверждал: «Высшая задача таланта – своим произведением дать людям понять смысл и цену жизни» [10, с. 385]. В преподавательской деятельности он ставил перед собой задачу воспитать знающую историю Отечества, высоконравственную, духовную и трудолюбивую личность. Своей творческой жизнью учителя он давал своим ученикам именно такой образец и пример для подражания. Таким мы и воспринимаем его сегодня [11].

Список литературы и источников:

1. В. О. Ключевский: Характеристики и воспоминания. – Москва: Изд-во «Научное слово», 1912. – 217 с.
2. Уайт, Х. Метаистория / Х. Уайт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.
3. Федотов, Г. П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – С. 329-349.
4. Матюшевская, М. И. Творческое наследие В. О. Ключевского в научно-публицистической оценке Г. П. Федотова / М. И. Матюшевская. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я.Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2016. – Т. 8. – № 2. – С. 71-78.
5. Матюшевская, М. И. Социальный портрет духовенства в научном творчестве В. О. Ключевского / М. И. Матюшевская // Религия и общество – 11 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А.А.Кулешова, 2017. – С. 217-219.
6. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы / В. О. Ключевский / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. Р. А. Киреевой; Комментар. В. Г. Зиминой, Р. А. Киреевой. – Москва: Мысль, 1989. – 476 с.
7. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Часть IV. / В. О. Ключевский / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой – Москва: Мысль, 1989. – 398 с.
8. Ключевский, В.О. Сочинения: В 9 т. Т. III. Курс русской истории. Часть III. / В. О. Ключевский / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой – Москва: Мысль, 1988. – 414 с.
9. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 т. Т. VII. Специальные курсы. / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. Р. А. Киреевой, В. А. Александрова и В. Г. Зиминой. – Москва: Мысль, 1989. – 508 с.

10. Ключевский, В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. – Москва: Мысль, 1990. – 525 с.
11. Матюшевская, М.И. Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В.О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения ученого) / М.И. Матюшевская // Адукацыя і выхаванне – 2015. – № 12. – С. 64-68.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова